

Н. Н. Лапунина*

Некоторые вопросы квалификации преступных посягательств на свободу человека

Вопросы квалификации преступлений имеют важное практическое значение. Квалификация — это установление и юридическое закрепление соответствия совершенного общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ. Правильная квалификация преступления является единственно возможным вариантом уголовно-правовой оценки деяния. Правильно квалифицировать — значит применить именно тот пункт, часть той статьи или совокупности статей, которые охватывают совершенное преступление. Нарушение этого требования ведет к ошибочной квалификации.

Большое значение для правоприменителей имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ по определенным видам преступлений и опубликованная судебная практика. Разъяснения, содержащиеся в них, помогают работникам судебно-следственных органов решить вопрос о наличии или отсутствии в действиях конкретного лица состава преступления, правильно квалифицировать преступные действия. В свою очередь правильная квалификация влечет назначение справедливого наказания. Законодатель объективно не может в нормах закона охватить все многообразие складывающихся в жизни конкретных ситуаций, поэтому постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие терминологию законодателя, дающие рекомендации по вопросам квалификации, крайне необходимы.

Вопрос о признании судебной практики в качестве самостоятельного источника права неоднократно ставился и обсуждался как на уровне общей теории государства и права, так и на отраслевом уровне. В 1940-е, а также послевоенные годы прошлого столетия предпринимались попытки представления руководящих разъяснений пленума Верховного Суда СССР в качестве источника уголовного права¹. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин, а также причин идеологического порядка эти попытки не имели успеха.

* Доцент кафедры правосудия и процессуального права Саратовского государственного социально-экономического университета, кандидат юридических наук.

¹ См.: *Наумов А.* Судебный прецедент как источник уголовного права // *Российская юстиция.* 1994. № 1. С. 8.

По мнению М. Н. Марченко, в основе официальной позиции лежал тезис о том, что советское социалистическое право не может рассматривать судебный прецедент в качестве источника права, поскольку это разрушит социалистическую законность, подорвет или ослабит правотворческую деятельность законодательных органов и создаст судебный произвол в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций¹.

Делался вывод о том, что социалистические судебные органы осуществляют правосудие как одну из форм применения закона, не связанную с правотворческими полномочиями суда при разрешении конкретных дел. Указанная точка зрения была преобладающей в прошлом столетии не только в общей теории права, но и в отраслевых дисциплинах.

В действительности «судебный прецедент и судебное правотворчество существовали, прикрывая свое бытие различными формами»². Это проявлялось, по мнению исследователей данной проблемы, в том, что пленумам Верховного Суда СССР и союзных республик предоставлялось право давать в пределах имеющихся у них компетенций руководящие разъяснения по вопросам правильного и единообразного применения законодательства, обязательные для всех нижестоящих судов. В практическом плане это означало, что пленумы названных судов осуществляли судебное правотворчество, на что не были уполномочены законодательством.

На практике все же применялся судебный прецедент, в качестве которого рассматривались решения пленумов и судебных коллегий Верховного Суда СССР и союзных республик. Опубликование решений данных судебных инстанций в официальных изданиях позволяло заинтересованным лицам добиваться сходных решений в сходных случаях по всем аналогичным категориям дел, рассматривавшихся нижестоящими судами³.

В 1980–90-х гг. произошел отказ от признания разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ руководящими, хотя по существу они остались таковыми.

Недостаточная юридическая подготовка следователей влечет ошибки в квалификации преступных действий. Нередко в силу объективных причин (большое количество уголовных дел в производстве) они не знают разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ и опубликованной судебной практики. При этом следователи оправдываются тем, что разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ не являются руководящими, а судебная практика не является источником права.

Известно, что стабильность права обеспечивается путем придания определенного единообразия судебной практике. Ее подлинная роль очевидна, даже если доктрина воздерживается от признания ее в качестве источника права.

Наука, закон, его толкование, судебная практика имеют тесную взаимосвязь. Роль науки проявляется в том, что именно она создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель. Кроме того, наука оказывает влияние на самого законодателя, который часто воспринимает подготовленные предложения.

В последние годы наметилась положительная тенденция, когда первоначально какое-либо понятие или положение уголовного права вырабатываются наукой, затем, спустя какое-то время, включаются в виде разъяснений в постановления

¹ См.: *Марченко М. Н.* Проблемы теории государства и права : учебник. М., 2006. С. 591–592.

² См.: *Мартынич Е., Колоколова Э.* Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // *Российская юстиция.* 1994. № 12. С. 20.

³ См.: Там же. С. 21.

Пленума Верховного Суда РФ, а уже после апробации на практике закрепляются в нормативных актах в виде законодательных конструкций. Так, например, понятия «хищение», «помещение», «хранилище», «жилище», «значительный ущерб гражданину» и другие, относящиеся к преступлениям против собственности, были первоначально выработаны в теории уголовного права. Затем они были разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел и лишь потом, будучи включенными в примечания к соответствующим статьям УК РФ, приобрели характер нормы права.

Подобная практика представляется в настоящее время наиболее оптимальной для единообразного применения закона. Вместе с тем все, что толкует суд, не может потом быть включено в нормы УК РФ в силу объективных причин. Для единообразного применения закона необходимо знать сложившуюся или только еще формирующуюся судебную практику.

Анализ опубликованных в бюллетенях Верховного Суда РФ за 1997–2011 гг. определений Судебной коллегии и постановлений Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам позволяет сделать вывод о проблемах правоприменителей при квалификации преступлений, посягающих на свободу¹. Так, судя по количеству уголовных дел, рассмотренных Судебной коллегией и Президиумом Верховного Суда РФ, на первом месте по сложности после введения в действие УК РФ 1996 г. стояла проблема применения ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона.

Проблемы квалификации по рассматриваемой группе преступлений сводились к следующим основным моментам.

1. Правильность применения примечания к ст. 126 и 206 УК РФ:

а) определение добровольности освобождения похищенного и заложника.

Так, по уголовному делу по обвинению Дышекова и других Верховный Суд РФ пояснил, что под добровольным освобождением похищенного лица следует понимать такое освобождение, которое последовало в ситуации, когда виновный мог продолжить незаконно удерживать похищенного, но предоставил ему свободу².

Приговор Московского городского суда по делу Самсонова отменен в части его осуждения по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, а дело в этой части прекращено, поскольку похитивший несовершеннолетнюю Андрееву добровольно освободил ее, выпустив из своей автомашины. Согласно примечанию к ст. 126 УК РФ лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности³.

По уголовному делу по обвинению Бекова и других суд разъяснил, что освобождение заложника после уплаты выкупа не может признаваться добровольным⁴;

б) определение наличия иного состава преступления при добровольном освобождении похищенного.

По уголовному делу по обвинению Фаткуллина и других суд обоснованно переквалифицировал действия похитителей, добровольно освободивших потерпевшего, с ч. 2 ст. 125¹ УК РСФСР на ст. 109 УК РСФСР, поскольку виновные причинили потерпевшему менее тяжкие телесные повреждения⁵.

¹ К преступлениям против свободы автор относит все преступления, в которых свобода является основным, дополнительным или факультативным объектом.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3. С. 21.

³ См.: Там же. 2002. № 9. С. 16.

⁴ См.: Там же. 1999. № 7. С. 12.

⁵ См.: Там же. 1999. № 2. С. 11.

2. Трактовка понятия похищения или захвата заложника, повлекшего по неосторожности смерть.

По делу Угрюмова Судебная коллегия пояснила, что похищение человека, повлекшее иные тяжкие последствия, означает причинение этих последствий по неосторожности. Убийство похищенного требует самостоятельной юридической оценки¹.

По делу Скоробаева из обвинения исключен такой квалифицирующий признак, как причинение смерти по неосторожности, поскольку отсутствовала причинная связь между действиями осужденных и смертью потерпевшего, которая наступила в результате применения оружия работниками милиции при его освобождении².

3. Правильность квалификации убийства или изнасилования по совокупности с похищением человека.

Действия лиц, направленных на убийство или изнасилование, если они были связаны еще и с похищением или незаконным лишением свободы (для осуществления умысла на убийство или изнасилование потерпевшие насильно перевозились в определенные места и удерживались там), полностью охватываются соответствующей статьей УК, предусматривающей ответственность за убийство или изнасилование, и не требуют дополнительной квалификации по ст. 126 и 127 УК РФ³.

4. Установление корыстных побуждений при похищении или захвате заложника.

По делу Кружкова судом в связи с отсутствием корыстного мотива данный признак исключен из обвинения⁴.

5. О наличии особо квалифицирующего признака похищения или захвата заложника — совершение преступления организованной группой.

По делу Долинина и Кондырева суд признал наличие указанного квалифицирующего признака в связи с доказанностью характера и согласованности действий виновных, четкого распределения ролей, использования автомашины во время похищения и в дальнейших действиях, длительностью насильственного удержания потерпевшего в чужой квартире⁵.

6. О наличии квалифицирующих признаков похищения — с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а также с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Из приговора Мелеузовского городского суда Республики Башкортостан подлежали исключению указания об осуждении Исмагилова и Умарова по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ по признаку совершения похищения человека с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, и с применением оружия или предметов, в связи с тем, что насилие и оружие применялись не в момент похищения потерпевшего. Кроме того, и насилие, и оружие применялись в целях вымогательства⁶.

7. Квалификация разбойного нападения по совокупности с незаконным лишением свободы признана неверной.

Дополнительной квалификации действий виновного К. по ст. 127 УК РФ не требуется, если его умысел был направлен не на лишение потерпевших свободы, а на применение насилия в ходе разбойного нападения и вымогательства⁷.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1. С. 9.

² См.: Там же. 1998. № 9. С. 5.

³ См.: Там же. 2001. № 10. С. 18; 2003. № 9. С. 21.

⁴ См.: Там же. 1999. № 5. С. 19.

⁵ См.: Там же. 1997. № 8. С. 5.

⁶ См.: Там же. 2002. № 3. С. 22–23.

⁷ См.: Там же. 2007. № 7. С. 23–24.

8. Определение конкуренции норм, предусматривающих ответственность должностных лиц за незаконное лишение свободы (ст. 286 УК РФ) и само незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ).

Б., являясь должностным лицом (заместителем начальника РОВД), под угрозой оружия удерживал в комнате отдыха сотрудников милиции и граждан. Его действия суд квалифицировал по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших нарушение прав и законных интересов граждан, с применением оружия. Суд признал квалификацию указанных действий еще и по ст. 127 УК РФ излишней, поскольку субъектом этого преступления может быть только частное лицо, а ответственность за незаконное лишение свободы, совершенное должностным лицом, установлена ст. 286 УК РФ¹.

9. Квалификация похищения человека по совокупности с принуждением к даче ложных показаний.

Ш., Л. и Г. признаны судом виновными в похищении Ф. (насиленно был перемещен из Москвы в Санкт-Петербург и удерживался в квартире Л. пристегнутым наручниками к батарее отопления) и принуждении его к даче ложных показаний под угрозой убийства (ч. 4 ст. 309 УК РФ)².

10. Установление квалифицированного признака — использование своего служебного положения при незаконном помещении в психиатрический стационар.

Врач обоснованно признан виновным в незаконном помещении в психиатрический стационар с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 128 УК РФ)³.

Таким образом, в ходе применения норм об уголовной ответственности за посягательства на свободу человека выявляются различные проблемы квалификации этих преступлений.

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России позволяет сделать вывод о том, что доля преступлений против свободы человека очень мала по сравнению с другими видами преступлений. За последние десять лет отмечается снижение количества зарегистрированных похищений человека. Так, максимальное количество этих преступлений — 1554 — было зарегистрировано в 1999 г. Наименьшее количество этих преступлений зарегистрировано в 2009 г. — 633. Подобная картина наблюдается и с регистрацией незаконного лишения свободы. Максимальное количество преступлений, предусмотренных ст. 127 УК РФ, было зарегистрировано в 1999 г., затем до 2003 г. произошло резкое снижение — 966, в последующие годы — незначительный рост, а в 2009 г. — снижение до 716.

Однако указанные данные не отражают истинной картины. Уровень латентности этого вида преступлений очень высок. Существует явное несоответствие между зарегистрированным и действительным количеством этих преступлений.

Наряду с отмеченным снижением зарегистрированных похищений человека и незаконного лишения свободы отмечался рост таких новых видов преступлений, как торговля людьми и использование рабского труда. Так, торговля людьми за четыре года возросла почти в семь раз — с 17 преступлений в 2004 г. до 104 в 2007 г. Однако в последующие годы отмечено резкое снижение: в 2008 г. — 57, в 2009 г. — 94. Использование рабского труда также имело тенденцию к росту

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 4. С. 19–20.

² См.: Там же. 2008. № 6. С. 22.

³ См.: Там же. 2007. № 1. С. 30–31.

в первые четыре года с момента введения уголовной ответственности за эти деяния: с 8 преступлений в 2004 г. до 35 в 2007 г.¹ Однако в 2008 г. зарегистрировано 10 таких преступлений, а в 2009 г. — только 8².

Статистические данные ГИАЦ МВД РФ свидетельствуют о том, что правоохранительные органы приобретают необходимый опыт квалификации соответствующих преступных деяний. Однако существуют и проблемы квалификации преступлений против свободы, о которых свидетельствует опубликованная судебная практика. Роль постановлений Пленума Верховного Суда РФ и опубликованной судебной практики в единообразном применении закона очень велика. Представляется, что в настоящее время назрела необходимость в принятии постановления Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о посягательстве на свободу человека. Знание положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ и практики реализации уголовного закона будут способствовать повышению эффективности применения этих норм.

¹ См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 546–560; Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы / Российская криминологическая ассоциация. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 2003. С. 258–269; Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 303–304; Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 217.

² См.: Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 489.